

УДК 323.2

DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-9-103-115

О ГЕНОТИПЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ ON THE GENOTYPE OF POLITICAL CULTURE IN RUSSIA

*О. В. Омеличкин, Институт истории и международных отношений,
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово
somel@mail.ru*

*O. Omelichkin, Institute of History and International Relations,
Kemerovo State University, Kemerovo*

Предметом исследования являются генетические истоки российской политической культуры, которые определяют логику и перспективы ее развития. Генетические особенности обуславливают внутреннюю природу культуры и проявляются в традициях и механизмах передачи культурных ценностей, норм и образцов. Автор разделяет мнение о переходном состоянии и неоднородности российской культуры. В этих условиях сохранение социокультурной идентичности и исторической преемственности связано с активизацией устойчивых наследственных элементов культуры. Рассматриваются такие ее черты, как авторитарность, этатизм, коллективизм, конфликтность и т. д. Это культура консервативно-мобилизационного типа, сформированная под задачу догоняющей модернизации общества в условиях кризисного управления. Патриархальные (восточные) начала органически соединяются в ней с западными рационально-демократическими принципами и в определенной мере способствуют консолидации и поддержанию политического порядка и стабильности. Отмечено, что в многообразии, эклектичности и широте возможностей и допущений, присущих генотипу нашей культуры, заключается источник развития российского общества. Такая культура обладает прочным внутренним единством и органической целостностью и рассматривается как исходная база и программа социального наследования, обеспечивающая воспроизводство и развитие страны

Ключевые слова: Россия; политическая культура; политико-культурный генотип; традиции; политические ценности; этатизм; коллективизм; политическая модернизация; истоки; перспективы

The subject of the research is the genetic background of Russian political culture which influences the logic and prospects of its development. The genetic peculiarities determine the inner nature of culture and are manifested in the traditions and mechanisms of transmission of cultural values, norms and models. The author shares the point of view which emphasizes a transitional status and heterogeneity of Russian culture. Under the circumstances, the preservation of social and cultural identity and historical continuity is associated with revitalization of sustainable hereditary elements of culture. In this regard, the paper studies such features as authoritarianism, statism, collectivism, conflict, etc. It is a culture of a conservative mobilization type generated to meet the task of the catch-up modernization of the society in terms of crisis management. It organically combines patriarchal (Eastern) features with Western rational democratic principles and contribute, to some extent, to the society consolidation and maintenance of political order and stability. The author believes that diversity, eclecticism and the amplitude of capabilities and assumptions inherent of our culture genotype is the source of development of the Russian society. Such a culture has a strong internal unity and organic integrity and is regarded as the source database and program of social inheritance which ensures the reproduction and development of the country

Key words: Russia; political culture; political and cultural genotype; traditions; political values; statism; collectivism; political modernization, origins; prospects

Политическая культура России в последнее время становится объектом повышенного внимания в отечественной [13] и зарубежной науке [15]. При этом можно выделить по меньшей мере два противоположных способа изучения российской политической культуры. Первый основан на использовании объективистских подходов, подтвердивших свою продуктивность применительно к западным демократиям и представляющих культуру в виде совокупности универсальных принципов и унифицированных моделей рационального политического сознания и поведения. Другой путь акцентирует внимание на особенностях «национального характера» и «исторической специфике» развития нашей страны и обращается к самобытным политическим традициям, обычаям, идеологическим постулатам и моральным оценкам. Однако обе трактовки не дают, на наш взгляд, полного представления о нормативных основаниях культурной практики в современном российском обществе.

В этой связи особый интерес представляет вопрос об истоках российской политической культуры и о культурной памяти народа. Он позволяет определить культурную идентичность и возможные цивилизационные пути развития нашей страны. Поэтому актуализируется проблема социокультурной генетики российского общества и его исторической преемственности. Исследователи пишут о генетических особенностях политической культуры России, определяющих логику и перспективы развития страны. Речь идет об устойчивых наследственных элементах политической культуры, которые относятся к ее генетическому ядру и характеризуют ментальность и характер нашего народа. Они обуславливают объективную предопределенность различных общественных процессов и закономерность их состояний.

Проблема генетических черт национальной политической культуры привлекает внимание многих российских ученых (А. С. Ахиезер, Э. Я. Баталов, Л. Г. Бызов, Н. В. Карпова, А. В. и П. В. Лукины и др.). Данные черты определяют внутреннюю

природу культуры, специфику социально-политического опыта общества, проявляющегося в его традициях и механизмах передачи культурных стандартов и образцов. Это своеобразная матрица, включающая основополагающие политические ценности, нормы, ориентации людей, особый культурный код, позволяющий определенным образом воспринимать политические события и действовать в соответствии с установками, передающимися в ходе исторической преемственности. Н. В. Карпова отмечает: «Генетический код политической культуры является проекцией со стороны психологических черт нации, своеобразие которых определяется в ходе ее исторического развития. Генетические механизмы политико-культурной преемственности отражают, прежде всего, процессы сохранения и воспроизводства исторически сформированного психологического склада конкретного народа, реализующиеся на уровне коллективного бессознательного и социальной памяти. Именно эти психологические особенности становятся субъективной основой формирования внутреннего содержания национальных политических ценностей, норм, установок, моделей поведения, культурных образцов функционирования политических институтов и являются основным фактором устойчивости политической культуры» [10. С. 146–147]. Автор, на наш взгляд, абсолютизирует психологическую составляющую политической культуры и игнорирует другие генотипические формы ее существования.

Широко распространенным объяснением современного состояния политической культуры России является констатация того, что мы живем в переходном обществе, которому присуща политическая неопределенность и внутренняя противоречивость, в соответствии с чем и политическая культура страны носит переходный и неоднородный характер. В этих условиях общественному сознанию присуща неустойчивость, радикализм и конфронтационность. Они являются следствием того, что в сжатые исторические сроки осуществляется глубокая трансформация полити-

ческих взглядов, ценностей и форм поведения людей. Происходящие политические сдвиги вызывают значительные психологические перегрузки и потерю нравственных ориентиров. Политическая культура переходного типа отличается сосуществованием различных политических позиций, отражающих разнонаправленные и даже взаимоисключающие цели. Общество делится на конфликтующие группы, испытывающие взаимное недоверие и враждебность. Периодически возникают предпосылки и симптомы политического и культурного раскола, проявляющиеся в кризисных явлениях и дезорганизации общественных структур. Разногласия проявляются как в отношении прошлого нашей страны, так и в определении путей ее дальнейшего развития. В этих условиях жизненно необходим широкий гражданский диалог и выработка хотя бы минимальной консенсусной основы для политического взаимодействия и сотрудничества людей.

Следует подчеркнуть объективную обусловленность возрастающего значения механизмов политико-культурного наследования, присущих периоду крупных общественных потрясений и политических реформ. В этих условиях активно заявили о себе политический консерватизм (на уровне идеологии) и традиционализм (в политической практике), которые позиционируются как проявления здорового охранительного и самобытного начала в культуре нации. Как полагают многие ученые, в политическом самоопределении народа в настоящее время происходит инстинктивное усиление действия механизма социокультурных традиций, сориентированных на поддержание порядка и стабильности в стране.

По мнению А. В. Глуховой, изменяться могут отдельные ценности, институты власти, однако тип политической культуры в основном сохраняется. Несмотря на происходящие в культуре трансформации, во многих случаях происходит фактический возврат к проверенным в ходе исторического опыта ценностям и стереотипам. При этом автор выделяет в структуре политиче-

ской культуры два уровня — устойчивые, неизменные установки, сохраняющиеся длительное время, или целые эпохи, переходящие от поколения к поколению (ядро), и динамичные, подверженные трансформации ориентации, зависящие от политической ситуации, внешних факторов (периферия). Изменения в политической культуре обычно происходят на периферии [5. С. 39, 42].

Многие исследователи говорят о традиционализме как определяющей черте российской политической культуры. Возникший довольно давно, он пережил свою советскую форму и возрождается в наши дни. Данная установка проявляется не столько в закрытости и консерватизме политических позиций, которые в действительности все-таки изменяются, сколько в сильном и неизменном стремлении людей к политическому порядку и стабильности. У некоторых граждан это может выражаться, например, в положительной оценке периода сталинизма. Особенно симптоматично то, что большинство населения, отвергая крайности репрессивного политического режима, готово принять умеренную жесткость авторитарного правления. При этом люди говорят о необходимости «твердой руки» для эффективного государственного управления и проведения назревших реформ в различных областях жизни. И даже в целом демократически настроенные граждане допускают возможность ограничений политических и гражданских прав и свобод в целях борьбы с экстремизмом, преступностью и коррупцией.

Поэтому не случайным, а вполне естественным и закономерным выглядит сформировавшийся в российском обществе персонализированный образ власти в лице харизматического лидера, который обеспечивает единство политической воли и наведение общественного порядка. Все политические решения и контроль исходят от одного этого человека и зависимой от него клиентелы. Политические организации и учреждения занимают подчиненное место. Раньше на этом строилась власть царя или генерального секретаря правящей партии.

В период тяжелых испытаний и кризисов данное обстоятельство могло сыграть определенную позитивную роль. Подобная концентрация и централизация власти способствовала достижению единства и стабильности, поскольку всегда опиралась на развитый административный аппарат и силовые структуры, обеспечивающие единоначалие и подчиненность людей на огромных территориях и при сложном этническом составе населения. Как писал Ю. Пивоваров (2006), в России господствует «самодержавная политическая культура», ключевая характеристика которой – властечетричность как движущая сила исторического процесса. Именно в национальном или региональном лидере заключалась сакральность и символичность политической власти в нашей стране.

Это подтверждают и данные социологических опросов. В новых условиях у людей по-прежнему возникает потребность в сильном и властном руководителе. Так, в ноябре 2016 г. 35 % россиян считали, что нашему народу постоянно нужна «сильная рука». Еще 37 % уверены, что бывают такие ситуации (например сейчас), когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках. И только 21 % полагали, что ни в коем случае нельзя допускать того, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека [2]. В общем виде подобную установку на наделенного особыми полномочиями лидера нельзя считать демократической. Но многочисленные опросы показывают, что до 80 % россиян поддерживают Президента РФ В. В. Путина, и это обстоятельство способствует объединению страны.

Многие специалисты видят в этом подтверждение идеи о том, что на протяжении ряда веков в России складывалась политическая культура авторитарного (или еще более репрессивного) типа. В результате этого изначально архаическое политическое сознание российского общества оказывается органически неспособным к восприятию либеральных и демократических ценностей и моделей поведения, что является основной причиной всех неудавшихся политических реформ. Так, Д. В. Гудимен-

ко (1994) полагает, что происхождение и реальное современное состояние политической культуры России требует причислить ее к разряду авторитарно-коллективистских политических культур. Выделяемые им и другими авторами [1] черты, вытекающие из русского национального характера и особенностей исторического пути (полное подчинение общества и индивида государству, персонифицированность и централизованность власти, патернализм, коллективистские формы жизни, политическая пассивность и конформизм, правовой нигилизм, имперское сознание, конфликтность, принудительность требований и т. д.), наводят на мысль о законсервированности отечественной культуры и невозможности демократических преобразований в стране.

Объяснение современного состояния российского общества указанием на авторитарные или патриархальные основы его политической культуры имеет под собой серьезные основания. На наш взгляд, подобные формы традиционализма объясняются остаточными проявлениями повторяющегося кризисного состояния общества и естественным стремлением людей к политической и иной защите со стороны государства. В коллективной памяти народа подобная форма политической опеки остается достаточно реальной и надежной. Покорность и терпение людей, политическая пассивность и безоговорочное подчинение властям становятся условиями выживания в неблагоприятной среде. Подданнические настроения дополняются присущим населению правовым нигилизмом, ориентацией не на закон, а на властную волю политических субъектов. Однако в российской культуре всегда присутствовали и иные – народно-демократические – элементы.

Отличительной чертой российской политической культуры многие исследователи называют коллективизм или соборность, присущие нашему народу. Они выражают социальное единство и сплоченность граждан, взаимную поддержку и помощь. Политическое и культурное единство и равенство рассматривается как субстанциональное начало всего общества. В этих

условиях принятые властью основополагающие политические решения предполагают одобрение обществом, коллективную деятельность и общую ответственность за результаты. Социум становится при этом активным исполнителем и проводником государственной политики, гарантом ее эффективности и справедливости. Все другие социальные единицы лишаются какой-либо автономности и самостоятельности. Это в полной мере относится к общественным группам и отдельной личности. Они полностью зависимы и равны в своей подчиненности власти. Между ними не существует принципиальных различий в отношении провозглашенных политических целей и обязанностей. Политическая свобода, разнообразие позиций или протест здесь не предполагаются. Подобное единообразие вызывает справедливые возражения. Однако нивелирующее всех политическое единение и общность судьбы в различные исторические периоды помогли стране сохранять жизнестойкость и преодолеть огромные трудности и испытания.

Важнейшей предпосылкой подобного единства явился этатизм российской политической культуры. Он в немалой степени способствовал превращению культуры в органичную форму духовного контроля над человеком. На первый план в ней вышли институциональные требования всеобщего подчинения и исполнительности. Причем само духовное единение достигалось с помощью политического насилия и психологического принуждения. В этих условиях политическая культура приобрела ярко выраженный иерархический характер, поскольку полагала, что в государстве существует некий руководящий центр, выпускающий политические распоряжения и директивы. Он действует в закрытом режиме и отвергает необходимость обратных связей и обязательных правовых процедур. Все политические решения и оценки даются по его собственному усмотрению. Установка на полное политическое единство и слитность власти и народа избавляло обе стороны от необходимости следовать каким-либо правилам и соблюдать ограни-

чивающие управленческие возможности нормы. Утверждение коллективистских принципов в этом случае происходило на фоне утраты в культуре индивидуального начала и примата законности. Благодаря подобной редукции, обеспечивалась основополагающая роль государства в регулировании всей общественной жизни.

Очевидно, что многие особенности современной российской политической культуры обусловлены историческим прошлым нашей страны. Так, Ю. С. Пивоваров (1994) рассматривает отечественную культуру как относительно неизменный монолит, предопределяющий неизбежное возвращение к тому, «что было всегда». Не подлежит сомнению, что состояние политической культуры определяется не только современными общественными процессами, но и всем историческим опытом, который накоплен обществом и запечатлен в универсальных и константных ценностях, нормах и способах политического самоопределения. Поэтому на нее повлияли и века самодержавия, и тоталитарный режим XX в., присущие им имперские иллюзии, культ государства и идеологический диктат, существовавшая практика отстранения граждан от реальной политики, ограничения возможностей общественного самоуправления и гражданской инициативы и т. п. Все это привело к значительному ослаблению естественных регуляторов политической жизни и деформировало механизмы политической самоорганизации и участия граждан.

В то же время ряд ученых считает, что политические традиции, хотя и могут сохраняться в течение длительного времени, вряд ли способны предопределять или даже серьезно влиять на современную политику. Так, традиции самоуправления и частной собственности не предотвратили установление тоталитарных режимов в ряде европейских стран. В то же время демократическая политическая система в некоторых случаях смогла сформироваться в странах, не прошедших этап феодализма. В российской традиции также можно найти обоснования чего угодно. И хотя некоторые эле-

менты древней и средневековой культуры могли сохраниться, пусть и в значительно измененном виде, в современной России, гораздо более обоснованным представляется стремление искать объяснения нынешней ситуации в недавнем прошлом, а корни современной политической культуры – в представлениях непосредственно предшествующего периода [14]. Из этого следует, что российская политическая культура в ее нынешнем состоянии выросла не из далекого прошлого, а из общественной жизни и культуры позднесоветского периода.

Представляется, что обе позиции выступают крайностями, с категоричностью которых трудно согласиться. Дело в том, что советская политическая культура также возникла не на пустом месте, а вобрала в себя, пусть и в преобразованном виде, многие черты и установки культуры самодержавия. Благодаря различным временным наслоениям, она являлась сложным и противоречивым образованием. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением, что советский режим и его идеология были навязаны народу исключительно насильственными методами. Разумеется, подобная практика имела место, но нельзя отрицать и того, что для нее существовали определенные предпосылки в виде коллективистского, уравнилельного и конфронтационного сознания. Вот почему основные ее принципы легко осваивались и воспроизводились миллионами людей, становились устойчивыми элементами их культуры.

Советская политическая культура формировалась под влиянием радикальных общественных изменений, в результате которых образовалось совершенно особое политическое сообщество, в котором преобладала политически зависимая и нерасчлененная масса и культивировались командные формы партийного руководства и жесткого государственного контроля. Это была культура мобилизационного типа, обслуживающая особый способ насильственной и ускоренной модернизации страны, осуществляемой ценою огромных жертв и потерь. Однако в ней присутствовал и значительный комплекс конструктив-

ных идей и практик в виде высокой социальной активности и мобильности народа, стремительного роста его образовательного и культурного потенциала. Наряду с авторитарными чертами в ней содержались идеи свободы, ориентации на социальное равенство и справедливость. Традиционная установка на политический порядок и сильную государственную власть отнюдь не препятствовала формированию широких общественных движений и актуализации проблемы самовыражения.

Многочисленные исследования показывают, что социалистическая (советская) парадигма в настоящее время не вытеснена из массового сознания. На наш взгляд, наряду с негативными чертами она имеет и некоторое положительное значение, способствуя социокультурной идентификации и единству людей в сложный переходный период. При этом большинство россиян не желают возврата к прошлому. Однако без успеха осуществляемые экономические и социальные реформы и современные политические реалии также вызывают сомнения и не поддерживаются полностью людьми. Отсюда возникает определенная раздвоенность общественного сознания. Присутствие разнородных ориентаций отражает характерные для российской политической культуры эклектичность и максимализм, при которых в качестве идеала рассматриваются наиболее привлекательные черты различных общественных систем, но отвергаются те условия и неизбежные потери, которые их сопровождают.

При отсутствии ясной политической программы в общественном сознании по-прежнему сильны представления и стереотипы недавнего прошлого. Демократические ценности и нормы воспринимаются обществом в значительной степени абстрактно и произвольно. Незнание механизмов их практической реализации приводит к использованию привычных, т. е. авторитарных способов наведения порядка. В этих условиях закономерно усиливается влияние державно-патриотических идей. Их положительное значение связано с выдвиганием объединяющих народ об-

шенациональных целей и лозунгов. Однако наряду с ними в общественном сознании присутствуют иные (например, либеральные) ценности и установки, что придает ему в целом неоднородный вид.

Вследствие этого наиболее выраженной и примечательной чертой современной политической культуры России является отмечаемый многими исследователями ее фрагментированный или мозаичный характер. В ней переплетаются и взаимодействуют различные типы и разновидности культуры, что порождает эклектичность и внутренние конфликты. При этом она может эволюционировать одновременно в разных направлениях. В этих условиях возможны самые разнообразные интерпретации и оценки российской культуры. В то же время мы полагаем, что в этой всеядности, эклектике и широте допущений заключается мощный источник развития российского общества.

Политическая культура России, несмотря на свой консерватизм, имеет мобилизационный характер. Она сформирована под задачу переустройства страны в его принудительном виде и в условиях борьбы за сохранение власти. Залогом успешного проведения преобразований является политическая консолидация народа и общность его духовных ориентаций. Однако политические реформы, модернизация экономики, постоянное изменение управленческих схем вызывают глубокое политическое и социальное расслоение общества. Проблема российского общества, как отмечал И. Б. Градинар (1996), заключается в том, что оно живет то в прошлом, то в будущем, но никогда в настоящем. Поэтому в нем постоянно воспроизводятся конфликты несовпадающих по времени интересов различных социальных групп и смешение альтернативных политических проектов. В условиях всеобщей фрустрации минимальная политическая устойчивость и равновесие сохраняются только благодаря широкому использованию политического контроля и принуждения со стороны властных структур, которые не имеют долгосрочной программы общественного

развития и решают исключительно оперативные задачи.

Подобная модернизация в условиях политической и экономической слабости страны обычно осуществляется авторитарными методами. Особенности политического сознания становится идея допустимости принудительных действий по отношению к политическим противникам и несогласным, а это, в свою очередь, вызывает недоверие к власти и политический протест со стороны оппозиции. В результате с обеих сторон происходит отказ от законных процедур и общественного диалога и утверждается взаимная агрессия и неприятие.

Все это проявляется при взаимной неприязни между различными общественными группами, их политическом противостоянии и борьбе. Конфронтации, многочисленные расколы являются результатом отсутствия легитимных институтов урегулирования конфликтов и гражданского диалога. А. С. Ахиезер (1991) отмечает отражающийся в самой политической культуре постоянный раскол общества на конфликтующие группы, борьбу реформаторов и традиционалистов, которая обуславливает рост дезорганизации политической жизни и замедление темпов общественного развития.

Конфликтность политического сознания россиян проявляется как в вопросах внутренней, так и внешней политики. Например, весьма распространенным и характерным является утверждение, что России постоянно угрожают многочисленные внутренние и внешние враги. В ноябре 2016 г. его разделяли 52 % респондентов. Только 29 % считали, что разговоры о врагах ведутся для того, чтобы запугать население и сделать его послушной марионеткой в руках у власти. Показательно, что затруднились ответить 19 % граждан. В декабре о наличии у сегодняшней России врагов говорили уже 68 %, их отсутствии – 18 %, не знали – 14 % опрошенных [3].

Незрелость российской политической культуры отражается в таком ее важнейшем индикаторе, как общий интерес к политике. Согласно данным Фонда «Об-

щественное мнение», полученным в мае 2016 г., 48 % опрошенных интересуются политикой, не интересуются — 49 %. При этом часто обсуждают события российской политической жизни со своими близкими и знакомыми 26 % россиян, редко — 42 %, не обсуждают — 31 %. Основные темы этих разговоров — внутренние проблемы экономической политики (рост цен и тарифов), а также вопросы международных отношений, связанных с событиями в Сирии и ситуацией в Украине [8]. Как видим, интерес к политике у населения не очень велик. Причем наибольшее внимание привлекают вопросы экономики и военные конфликты на территории других стран, которые непосредственно отражаются на жизни россиян. Вопросы политического реформирования и модернизации страны оказываются вне поля обсуждения.

На вопрос Левада-Центра «Могут ли такие люди, как Вы, влиять на принятие государственных решений в стране?» в августе 2016 г. только 12 % россиян ответили положительно, а 87 % — отрицательно. Это очень невысокий показатель, который можно оправдать только масштабностью и сложностью поставленных задач. О возможности влиять на решения в своем регионе, городе, районе положительно высказались 17 % респондентов, отрицательно — 81 %. Как видим, местный уровень политической жизни немногим отличается от общенациональных процессов, т. е. дело совсем не в общей некомпетентности граждан.

На вопрос «Готовы ли граждане лично более активно участвовать в политике?» только 18 % ответили «да», а 80 % выказали нежелание участвовать. Эти цифры полностью совпадают с суждениями людей о возможности влиять на политику властей. Подобный уровень политической активности поддерживается в стране уже многие годы. Причины для неучастия при этом называются следующие: все равно ничего изменить нельзя — 29 %, политика — не для рядовых граждан, ею занимаются власти — 28 %, заняты повседневными делами, нет времени заниматься этим — 28 %, ни-

чего не понимаем в политике, не знаем, как действуют органы власти — 21 %, политика — «грязное дело», не хочется мारаться — 13 %, не хочется выделяться среди других, ведь большинство людей не интересуются политикой — 7 %, боюсь преследования со стороны властей, лучше держаться от политики подальше — 5 % и т. д. [6]. Обращает на себя внимание то, что причины для неучастия лежат не в области объективных условий и возможностей, не связаны с ограничениями институциональных каналов и дискриминацией по различным основаниям, а отражают невысокий уровень гражданской ответственности людей, их слабую информированность и заинтересованность в происходящем, отсутствие мотивации, неверие в собственные силы, неорганизованность и т. п., словом, то, что принято относить к политической культуре.

Описанный ранее характер политическая культура обычно приобретает в условиях неразвитого гражданского общества и индивидуальной несвободы, когда формируется зависимый, подданныческий тип политического участия людей. При этом на первый план выходят социальные группы с невысокой общей культурой, которые лояльны к правящему классу и поддерживают существующий режим. Им свойственно признание необходимости несменяемой власти, бюрократических схем управления, подчиненности и несамостоятельности простого человека, ограниченности его политического выбора. Само политическое участие людей носит мобилизованный характер, демонстрирующий их отчужденность от реальной политики и искаженные социальные ожидания. Поэтому вполне закономерными становятся постепенно растущая политическая пассивность и апатия населения, общее недоверие к политическим институтам, неспособность к самоорганизации и давлению на власть, конформизм.

Поэтому следует прислушаться к мнению авторов, полагающих, что настоящей модернизации в России еще не было [16]. Имеет место только инерционная, «островная», прерывистая, зависимая модернизация. Она решает задачи относительной ста-

билизации текущей ситуации, отмеченной значительными потрясениями и катастрофами. Причем в этом проекте присутствуют как отдельные инновационные идеи, так и политические рецепты советского прошлого. При этом стремление властей сохранить идентичность и целостность российского общества нередко сопровождается снижением уровня его сложности, упрощением политической организации и культурного сопровождения общественных процессов. По сути, это консервирующая, примитивизирующая стабилизация. В ходе ее снижается самостоятельность и критичность индивидуального и группового политического мышления, но усиливаются утопические и мифологические мотивы. Поэтому так необходим переход от технократической к социально-гуманитарной модели модернизации.

Существующий тип движения российского социума И. И. Глебова называет возвратно-поступательным. В нем происходит последовательная смена определенных циклов: периодов покоя; внезапных взрывов и радикальных обновлений; откатов и стабилизации жизни. При этом всегда страдает историческое прошлое. Оно разрушается, а потом создается заново в угоду политическим интересам. Поэтому наше прошлое так изменчиво и непредсказуемо. А постоянные и конъюнктурные трансформации в массовом сознании и культуре не затрагивают фундаментальных основ духовной жизни народа. Ее сущностные черты остаются неизменными и выполняют адаптивно-компенсаторную функцию. Как справедливо замечает автор, такую программу нельзя рассматривать исключительно как порочный круг или псевдоразвитие. Любой культуре свойственна определенная жизненная схема, ориентирующая на особый тип социального развития. Поэтому специфика данной культурной программы должна не преодолеваться, а служить исходной точкой ее постепенного преобразования. Изменение политической обстановки, а также давление других программ могут стать главными естественными стимулами модернизации российского общества и его культуры [4. С. 136, 166].

Следует отметить присущий российской политической культуре идеализм. Это проявляется в мифологизации исторического прошлого страны, как далекого, так и сравнительно недавнего. Многие люди с ностальгией вспоминают советский уклад жизни, его определенность и стабильность. Нередко сохраняются прежние установки на национальное величие, уникальность исторического пути, особую мессианскую роль России в современном мире. Одновременно отечественной культуре присуща ориентация на будущее и его идеализированные образы. За ними также стоит негативное отношение к существующим политическим реалиям и предлагаемым властью решениям. Согласно опросу, проведенному Левада-Центр в ноябре 2016 г., 64 % россиян считают Россию «великой державой», в 1999 г. — 31 %. При этом мнения о будущем российского государства разделились. Демократическим государством с рыночной экономикой ее хотели бы видеть 33 % опрошенных. Таковую же часть составляют те, кому все равно, лишь бы они и их семьи жили хорошо. Государством с совершенно особым устройством и особым путем развития видят Россию 16 % респондентов. Социалистическим государством с коммунистической идеологией — 11 %. Империей, монархией (как до 1917 г.) — 3 % [7]. Как видим, ни один тип представлений о будущем российской государственности не является преобладающим. Позиция людей носит разнородный и прагматический характер. Большая часть ответов свидетельствует о приверженности населения традиционному укладу общественной жизни, тому, что уже было. При этом акцент делается на необходимости заботы о людях, на моральной стороне отношений граждан с государством, учете национальных традиций и ценностей и т. д.

Взвешенная оценка нашего прошлого и настоящего ожидает своего времени. Автор обращался преимущественно к негативным или архаичным сторонам российской культуры, подчеркивая одновременно общий творческий потенциал и созидательную энергию российского народа, обеспе-

чивавших в целом поступательное развитие страны. Критика ее деформаций необходима для того, чтобы подчеркнуть неотъемлемость общего вывода о существовании своеобразных конструктивных элементов в политической культуре и в эти периоды российской истории.

Происходящие в стране перемены дают основания говорить о наметившихся сдвигах в ее политической культуре. Так, кардинальному изменению подверглось представление граждан о соотношении интересов государства и личности в нашей стране. В марте 2017 г. ответы россиян распределились следующим образом: интересы государства должны ставиться выше, чем права отдельного человека – 10 %, ради интересов государства в отдельных случаях можно согласиться с ущемлением прав граждан – 24 %, люди имеют право бороться за свои права, даже если это идет вразрез с интересами государства – 47 %, права отдельного человека должны ставиться выше, чем интересы государства – 13 %. Очевидно, что приоритет здесь остается за интересами личности. При этом в отношении самого государства респонденты занимали следующие позиции: видели в нем основной источник жизненных благ – 35 %, демонстрировали свою независимость от государства – 31 %, считали необходимым оказывать ему всестороннюю помощь – 11 %, полагали необходимым заставить его служить нашим интересам – 19 % [9]. Ответы показывают, что патерналистские настроения в обществе постепенно изживаются, и на смену им приходит более активная гражданская позиция.

В этой связи реформаторами предлагается освободиться от патриархального (азиатского) наследия страны и обратиться к опыту западных демократий. Однако односторонняя ориентация на преимущественно либеральную политическую традицию (как, впрочем, и на восточную), на наш взгляд, не соответствует природе российского общества. В этом отношении мы согласны с теми авторами, которые допускают возможность органического эволюционного соединения восточного и запад-

ного начала на самобытной национальной почве. Противоположность их может быть снята в новом модернизационном проекте. При этом сложившиеся политические традиции патерналистских взаимоотношений с властью могут сыграть определенную роль в политической жизни страны, а само требование наведения порядка при благоприятном сценарии развития страны и повышении уровня и безопасности жизни людей может постепенно трансформироваться в сторону усиления правовой регламентации и политической свободы.

Мы рассматриваем политическую культуру как особую программу социального наследования, обеспечивающую как воспроизводство, так и развитие политической системы общества. Поэтому вряд ли возможен и целесообразен полный отказ от советского или иного политического опыта и отрицание самого принципа исторической преемственности. Большие сомнения вызывает и возможность полноценного использования критериев и моделей общественного развития, апробированных и укоренившихся в западных демократиях либерального типа, поскольку политическую культуру России затруднительно отнести к какому-то определенному западному типу.

Как отмечает М. А. Мунтян, длительное и противоречивое влияние различных факторов привело к возникновению «внутренне расколотовой, горизонтально и вертикально поляризованной политической культуры российского общества, в которой ее ведущие сегменты противоречат друг другу» [11. С. 249]. Мы не столь категоричны в оценке раздробленности российской культуры. На наш взгляд, при всей своей мозаичности она обладает прочным внутренним единством и органической целостностью. При этом в ней действительно можно обнаружить ценности восточного и западного типа, традиционалистские и модернистские установки, как рациональные, так и мифологические черты. Они образуют определенный синтез и обуславливают качественное своеобразие российской политической культуры. Способствуя

самоидентификации российского общества, подобный синтез позволяет прорабатывать различные цивилизационные пути развития и может стать генетической основой для распространения демократических взглядов и норм.

Разумеется, необходимо всесторонне осваивать мировой политический опыт. При этом речь идет не о механическом перенесении западных культурных моделей на нашу почву, а учете особенностей российского общества, характера и менталитета народа, его готовности к восприятию демократических идей. В собственной культуре содержится главный источник обновления общества. Она является самобытным образованием, соединяющим общедемократические черты с характерными особенностями российской политической жизни. Возможность успешной модернизации страны на основе синтеза инновационных подходов и национальных традиций доказана в ряде восточно-азиатских государств.

Можно сделать вывод, что в генотипе политической культуры заложены возможности ее функционирования, обновления и развития. Существование циклов в российской истории, смена политических периодов, подъемы и упадки также могут объясняться генетическими чертами российской культуры. С известной долей условности такую политическую культуру

можно определить как смешанную культуру консервативно-мобилизационного типа, ориентированную на решение комплексных задач догоняющей модернизации в условиях кризисного управления обществом. В ней постепенно формируются демократические элементы. Поэтому модернизация российского общества, включающая механизмы использования культурного наследия, предполагает не односторонний выбор узко сориентированной политической позиции, а соединение и органическое развитие всех здоровых и продуктивных начал, присутствующих в культурном фонде нашего народа. Они имеют как «восточное», так и «западное» происхождение и могут использоваться в процессе политического самоопределения общества и решения новых цивилизационных задач. К ним могут быть отнесены рассмотренные позитивные и традиционные для нашей страны ориентации на интересы государства, ценности коллективизма и т. п. В наблюдаемой эклектике и широте имеющихся возможностей заключается «конкурентное преимущество» отечественной политической культуры. Проблема заключается в поиске необходимого баланса между существующими подходами и достижениями общественного согласия по основополагающим вопросам нашей жизни на основе исторической преемственности и культурной генетики.

Список литературы

1. Баранов Н. А. Политическая культура России: традиции и современность // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 208. С. 203–213.
2. Власть и общество [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 2016. Дек. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/12/12/vlast-i-obshhestvo> (дата обращения: 21.07.2017).
3. Враги [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 2017. Янв. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2017/01/16/vragi> (дата обращения: 20.07.2017).
4. Глебова И. И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006. 332 с.
5. Глухова А. В. Конфликты и диалог политических культур в современной России. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. 216 с.
6. Готовность участвовать в политике [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 2016. Авг. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/08/23/gotovnost-uchastvovat-v-politike> (дата обращения: 21.07.2017).
7. Державность и особый путь России [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 2016. Дек. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/12/12/derzhavnost-i-osobyj-put-rossii> (дата обращения: 11.07.2017).
8. Интерес к политике: мониторинг [Электронный ресурс] // ФОМ. Режим доступа: <http://www.fom.ru/Politika/12680> (дата обращения: 15.07.2017).

9. Интересы государства и права человека [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 2017. Апр. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2017/04/03/interesy-gosudarstva-i-prava-cheloveka> (дата обращения: 18.07.2017).

10. Карпова Н. В. Политический «генотип» как структурный элемент политической культуры // Вестник Московского университета. Сер. Социология и политика. 2016. Т. 22, № 2. С. 134–149.

11. Мунтян М. А. Потенциал политической культуры в объяснении культурного полилога Запада, Востока и России // Вестник МГИПО-Университета. 2014. № 2. С. 245–249.

12. Романова Н.П. Современные проблемы социальной адаптации российского общества // Университетская наука: материалы VI междунар. научн.-практ. конф. Мариуполь, 2010. С. 286–291.

13. Тульчинский Г. Россия и политическая культура. Особенности и перспективы. М.: Алетейя, 2015. 176 с.

14. Lukin A.V., Lukin P.V. Myths about Russian Political Culture and the Study of Russian History // Political Culture and Post-Communism. Oxford: Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York, 2005. P. 15–41.

15. Pipes R. Russian Conservatism and Its Critics: a Study in Political Culture. New Haven: CT: Yale University Press, 2007. 240 p.

16. Yanitsky O. N. Modernization: the burden of the past // The Sociological Review. 2011. Т. 59, № 4. С. 741–757.

References

1. Baranov N. A. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo institute kulturey* (The works of Saint-Petersburg State Institute of Culture), 2015, vol. 208, pp. 203–213.

2. *Vlast i obshchestvo* (Power and society) // The Levada Center. Press release from 12.12.2016. Available at: <http://www.levada.ru/2016/12/12/vlast-i-obshchestvo> (Date of access: 21.07.2017).

3. *Vragi* (Enemies) // The Levada Center. Press release from 16.01.2017. Available at: <http://www.levada.ru/2017/01/16/vragi> (Date of access: 21.07.2017).

4. Glebova I. I. *Politicheskaya kultura Rossii: obrazy proshlogo i sovremennost* (Political culture of Russia: images of the past and the present). Moscow: Nauka, 2006. 332 p.

5. Gluhova A. V. *Konflikty i dialog politicheskikh kultur v sovremennoi Rossii* (Conflicts and dialogue of political cultures in modern Russia). Voronezh: Voronezh State University, 2005. 216 p.

6. *Gotovnost uchastvovat v politike* (Willingness to participate in politics) // The Levada Center. Press release from 23.08.2016. Available at: <http://www.levada.ru/2016/08/23/gotovnost-uchastvovat-v-politike> (Date of access: 21.07.2017).

7. *Derzhavnost i osoby put Rossii* (Great power and a special route of Russia) // The Levada Center. Press release from 12.12.2016. Available at: <http://www.levada.ru/2016/12/12/derzhavnost-i-osobyj-put-rossii> (Date of access: 21.07.2017).

8. *Interes k politike: monitoring* (Interest in politics: monitoring) // FOM. Available at: <http://fom.ru/Politika/12680> (Date of access: 21.07.2017).

9. *Interesy gosudarstva i prava cheloveka* (Interests of the state and human rights) // The Levada Center. Press release from 03.04.2017. Available at: <https://www.levada.ru/2017/04/03/interesy-gosudarstva-i-prava-cheloveka> (Date of access: 21.07.2017).

10. Karpova N. V. *Vestnik Moskovskogo universiteta* (Moscow University Bulletin). Series 18: Sociology and policy, 2016, vol. 22, no. 2, pp. 134–149.

11. Muntyan M. A. *Vestnik MGIPO Universiteta* (Bulletin of MSIIR University), 2014, no. 2(35), pp. 245–249.

12. Romanova N. P. *Universitetskaya nauka: materialy VI mezhdunar. nauchn.-prakt. konf.* (University science: materials of the international scientific-practical. conf.). Mariupol, 2010. pp. 286–291.

13. Tulchinsky G. *Rossiya I politicheskaya kultura. Osobennosti i perspektivy* (Russia and political culture. Peculiarities and prospects). Moscow: Aletheia, 2015. 176 p.

14. Lukin A.V., Lukin P.V. *Political Culture and Post-Communism* [Political Culture and Post-Communism] / S. Whitefield (ed.). Oxford: Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York, 2005, pp. 15–41.

15. Pipes R. *Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture* [Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture]. New Haven: CT: Yale University Press, 2007. 240 p.

16. Yanitsky O. N. *The Sociological Review* [The Sociological Review], 2011, vol. 59, no. 4, pp. 741–757.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Омеличкин Олег Викторович, д-р полит. наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук, Институт истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия. Область научных интересов: политическая теория, политическая этика, теория демократии, политическая культура
somel@mail.ru

Oleg Omelichkin, doctor of political sciences, professor, professor of General History and Socio-political Sciences department, Institute of History and International Relations, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. Sphere of scientific interests: theory of politics, political ethics, theory of democracy, political culture

Образец цитирования

Омеличкин О. В. О генотипе политической культуры России // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2017. Т. 23. № 9. С. 103–115. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-9-103-115.

Omelichkin O. On the genotype of political culture in Russia // Transbaikal State University Journal, 2017, vol. 23, no. 9, pp. 103–115. DOI: 10.21209/2227-9245-2017-23-9-103-115.

Дата поступления статьи: 02.09.2017 г.
Дата опубликования статьи: 29.09.2017 г.

